

Книга Иова

Сессия 13: Диалог, серия 1, работа 3-14

Джон Уолтон

Это д-р Джон Уолтон и его учение о Книге Иова. Это сессия 13, серия диалогов 1, работа 3-14.

Плач Иова (Иов 3) [00:27-6:10]

Диалоги начинаются всерьез в четвертой главе. В третьей главе есть плач Иова, с которого начинается весь этот раздел. По структуре книги плач Иова можно частично сравнить с двумя его ответами на речи Бога ближе к концу книги. Опять же, они разделены, и они не так длинны, но они как бы играют аналогичную уравновешивающую роль в книге. Но здесь плач Иова открывает диалоги.

Иов начинает первую часть плача, проклиная день своего рождения. Опять же, здесь мы встречаем слово «проклятие», но это другое слово. Это не слово «*барак*», благослови его, оно работает эвфемистически. Используемое еврейское слово — *qalal*, которое включает в себя заклинание со словом силы. Итак, он использует заклинание против дня своего рождения. Он в 3.8 говорит проклясть день; это другое слово. Итак, три разных слова для "проклятия". *Барак* в эвфемизме, *калал* заклинание со словами силы, но затем проклинать день — это «*арар*», и это относится к удалению чего-то из-под защиты Бога, нарушению порядка. Это *арар*. Итак, эти три слова, несмотря на то, что все они переводятся как «проклятие», имеют разные оттенки и работают по-разному.

Он также говорит о пробуждении Левиафана. Это должно быть сделано экспертами-предсказателями, которые балуются подобными вещами. Левиафан, опять же, представляет мир беспорядка, мир хаоса. Поскольку Иов переживает хаос, он призывает эту идею разбудить Левиафана в день своего рождения.

Во второй части своего причитания он выражает желание никогда не родиться.

Он желает, чтобы он ушел прямо из утробы в преисподнюю, иначе как мертворожденный был бы, или был бы выкидыш. Таким образом, он желает этого

для себя, а не для того, чтобы испытать то, что он имеет в развертывании текста. И, наконец, в последней части этого причитания он обращается к несчастью своей теперешней жизни, к тому, что он сейчас переживает и как ему тяжело.

Плач, конечно, душераздирающий и для Иова, как он его издает, и для нас, когда мы его слышим. Читатели иногда могут найти реальную связь с тем, как Иов чувствует, какой ужасной стала его жизнь. С риторической точки зрения он строит переход между прологом и речами через смену жанра, от повествования и пролога к непосредственному дискурсу в речах. Он также делает акцент на богословии, поскольку рассматривает то, что делает Бог и на что похож мир. В плаче мы видим развитие от уверенного Иова в его ответах в прологе к обезумевшему, вопрошающему Иову.

Итак, Иов уходит в свое горе и выражает вещи по-другому. Он уверен. Доверие разрушается. У него нет надежды, что смерть приведет к вечности, где все можно исправить. В Израиле в библейский период не было надежды на вечность, награды и наказания. А Иов, будучи не израильтянином, еще менее склонен. Так что у него нет никакой надежды на то, что после смерти все это каким-то образом разрешится. Он желает смерти, не решения, а побега. Ни жизнь, ни смерть в этот момент не дают ему никакой надежды, хотя для него смерть была бы предпочтительнее жизни.

Мы видим, что он начал то, что является естественной склонностью всех нас спросить, почему. Стихи 11, 12, 16, 20, 23, почему? почему? почему? Это слово на устах каждого страждущего человека. Почему? Вот почему Книга Иова предлагает нам нечто ценное. Не потому, что он отвечает на вопрос, а потому, что помогает нам понять, что это неправильный вопрос.

В то же время жалобы Иова не выдают намека на то, что он действительно верит в то, что заслуживает того, что получил. Он не пришел к этому. Он не хочет говорить, что сделал что-то, чтобы заслужить все это. И точно так же, несмотря на

то, что он начал задавать вопросы «почему» и что его доверие ослабевает, он все еще сохраняет свою честность.

Честность Иова [6:10-8:00]

Теперь нужно понять эту целостность, которую поддерживает Иов. Целостность — это не то же самое, что все его положительные описания в первой и второй главах. Его честность определяется именно как его настойчивость в том, что его праведность стоит сама по себе. То есть он не просто преследует выгоду. Его праведность ради самой праведности, а не ради того, что он получает от нее. Это целостность. Это единственное, что он должен поддерживать. Мы обнаружим, что Иов заходит в очень темные места в том, как он думает о Боге. Его обвинения против Бога ясны и ошибочны. Таким образом, ответ Иова сам по себе не является безупречным. Бог обвинит его в проступке в том, как он ответил Богу. Это не имеет значения. Что имеет значение, так это вопрос на столе: является ли праведность Иова бескорыстной праведностью, и честность Иова состоит в том, чтобы поддерживать эту позицию. Это все, что ему нужно сделать, чтобы книга продолжилась. Для Божьей политики это важный момент.

Введение в первый цикл диалогов [8:00-8:20]

С какими проблемами мы сталкиваемся в первом цикле диалога? Это переносит нас с 4-й по 14-ю главы. Это первый цикл. Итак, Элифаз говорит. Иов отвечает. Вилдад говорит. Иов отвечает. Зофар говорит. Иов отвечает в первом цикле, главы с 4 по 14.

Важные заявления в первом диалоге: 4:6 [8:20-10:15]

В этом цикле есть пара важных утверждений. Они важны для книги, важны для сообщения, которое дается, и хорошо известны, но мы должны внимательно изучить их, чтобы убедиться, что мы их понимаем.

Первый из них находится в 4:6 в четвертой главе, шестой стих, Елифаз говорит, и он говорит: «Не должно ли благочестие ваше быть упованием вашим и непорочные пути ваши — упованием вашим?» Он поднимает вопрос о том, как должен реагировать Иов. «Должно ли ваше благочестие быть вашей уверенностью и ваши непорочные пути вашей надеждой?» Я бы перевел это просто для лучшего понимания, немного расширив парафраз: «Разве ваше самопровозглашенное благочестие не является основанием для этой иррациональной уверенности?» Елифаз считает, что набожность Иова только самопровозглашена, а его уверенность иррациональна и необоснованна. Он задает вопрос: действительно ли ваша единственная надежда заключается в предполагаемой безупречности ваших путей? Вы должны дать мне больше работы; этого не достаточно. Итак, это не подрыв; книга не умаляет благочестия Иова или его непорочности. Елифаз сомневается в том, достаточно ли того, что думает о них Иов. Это просто пример некоторых сложностей при попытке перевести очень трудный иврит в Книге Иова.

Важные заявления в первом диалоге: 4:17 [10:15-14:21]

Кроме того, в речи Елифаза мы находим отчет о его мистическом опыте. Это в стихах с 12 по 21, и я не буду его читать, но вы можете взглянуть на него. Теперь это происходит в видении, о котором он сообщает в этом видении; он требует откровения. Он излагает весь сценарий этого духовного опыта, чтобы подчеркнуть то, что он считает великим прозрением, откровением в глубокую истину. И он выражает это в стихе 17 четвертой главы. Вот как это переведено в NIV; просто как базу, взгляните на него. В нем говорится: «Может ли смертный быть праведнее Бога? Может ли даже сильный человек быть чище в своем Создателе? Теперь задумайтесь об этом на мгновение. «Может ли смертный быть праведнее Бога?» это? Разве все это не знают? Я имею в виду, почему долгая установка этого мистического опыта только для того, чтобы сказать что-то, что известно всем в мире? Что смертный не может быть более праведным, чем Бог.

может быть, он пытается донести мысль, что Иов, кажется, думает, что он более праведен, чем Бог. отслеживать.

Первая проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, чтобы спросить: «Может ли кто-нибудь быть чище своего Создателя?» во второй части стиха. На самом деле невозможно сравнивать чистоту человека с чистотой Бога, потому что этот термин, переведенный как «чистота», *тахар* на иврите, никогда не используется для описания Бога. Бога нельзя описать как чистого или нечистого. Это категория, которая не применима к Богу. Таким образом, нельзя сказать, можете ли вы быть чище Бога, если Бога нельзя охарактеризовать как чистого. Это относится к чистому состоянию, достигнутому из нечистого состояния. Поскольку Бог никогда не может быть в нечистом состоянии, поэтому Бог не может быть *тахаром*, состоянием, достигнутым из нечистого состояния. Бог не может быть нечист. Таким образом, его нельзя назвать чистым.

Риторически. Если мы будем следовать традиционному переводу стиха, Елифаз, похоже, переусердствовал. Не было бы нужды в мистическом откровении, чтобы показать, что нет никого праведнее Бога. И вы не можете сказать, что кто-то чист или менее чист, чем Бог.

Вот мое альтернативное прочтение. «Может ли смертный быть праведным с точки зрения Бога?» Можете ли вы достичь праведности с точки зрения Бога? «Может ли человек быть чистым в глазах своего Создателя?» Элифаз здесь ставит под сомнение абсолюты. Может ли кто-нибудь из нас действительно достичь того момента, когда мы станем чистыми или праведными с точки зрения Бога?

Теперь, преследуя это, Елифаз повторяет то, что мы хорошо знаем из древнего Ближнего Востока: все склонны к греху. И действительно, мы можем найти это даже, конечно, в христианском учении. Но здесь дело не в том, что нельзя быть праведнее Бога.

Теперь, чтобы продемонстрировать, что чтение, которое я предлагаю, требует детальной работы на иврите, и это есть в моем комментарии, который я

опубликовал, если люди смогут его получить, они смогут увидеть все детали лечения.

Важные заявления в первом диалоге: 7:17 [14:21-18:44]

Еще одно утверждение, которое, как мы находим, вызывает некоторые вопросы, давайте задумаемся о седьмой главе. Мы слушаем речь Иова. Теперь ответ Иова Елифазу. А в седьмой главе стихи с 7 по 21 являются одними из самых пронзительных, которые может предложить Иов. Он напоминает нам некоторых из Екклесиаста, когда говорит о быстротечности жизни.

Итак, мы читаем: «Помни, о Боже, что моя жизнь — всего лишь дыхание. Мои глаза никогда больше не увидят счастья». Он продолжает говорить об этом. А он говорит: «Я не буду молчать». Поэтому в стихе 11: «Я буду говорить в стеснении моего духа, я буду роптать в горечи моей души: разве я чудовище морское?» Я враг? Вот что он спрашивает. "Что ты должен поставить меня под охрану. Когда я думаю, что моя кровать утешит меня и моя кушетка облегчит мою жалобу, даже тогда ты напугал меня снами, так что я предпочитаю удушение и смерть. Я презираю свою жизнь. Оставь меня в покое. Дни мои не имеют смысла».

Затем читатели, знакомые с Библией, доберутся до 17-го стиха и увидят очень интересную, знакомую строчку. "Что такое человечество, что вы делаете из них так много?" Внимательный читатель Писания сразу узнает строчку 8-го Псалма, где так много положительного. Посмотрите, что вы сделали. Ты сделал нас чуть ниже ангелов. Что мы такое, что вы сделали так много из нас? Но Иов переворачивает это с ног на голову. А он говорит: «Почему вы так обращаете на нас внимание? При всем уважении, отвалите, оставьте меня в покое, пожалуйста».

Итак, говорит он, что такое человечество, которое вы так много делаете из него и которому уделяете так много внимания? И продолжает уточнять. «Ты проверяешь их каждое утро, проверяешь каждую минуту. Не мог бы ты отвести от меня взгляд?» Опираясь же, очень отличается от псалмопевца, который приглашает Божий взгляд, который предлагает Богу увидеть и исследовать. Для Иова это:

«Пожалуйста, отвернись. Мне нужен перерыв. Если я согрешил», и, конечно, Иов не предполагает, что он согрешил, но даже если бы это было так, «какое тебе дело? Ты сделал меня своей мишенью? Почему я стал обузой? Преодолей это».

Итак, мы можем видеть, что это верно в речах Иова. Он все чаще обращает свое внимание к Богу, а не к друзьям. Здесь он обвинил Бога в чрезмерной внимательности и нереалистичности своих ожиданий. Это звонит в колокол? Вспомни первую главу, четвертый и пятый стихи. Каковы ожидания Бога? Бог слишком внимателен? Вот почему Иов совершает весь этот ритуал для своих сыновей и дочерей. И вот, выходит.

В отличие от создания хаоса, Иов утверждает, что не представляет угрозы для порядка. Он не требует постоянного внимания. Он называет Бога «стражем за людьми». Он использует термин, который часто имеет положительную коннотацию, указывающую на заботу и защиту. Но опять же, он переворачивает его с ног на голову. Иов считает себя уже под судом, уже подвергающимся наказанию. Он требует приказа о прекращении и воздержании, чтобы Бог оставил его в покое. Он предполагает, что каким-то образом уже состоялся суд и уже вынесен обвинительный приговор.

Важные заявления в первом диалоге: 7:20 [18:44-19:31]

В стихе 20. Вместо того, чтобы сказать: «Если я согрешил», я не думаю, что мы должны читать это так. Иов не допускает даже такой возможности. Я бы прочитал это: «Я согрешил». Но он имеет в виду только то, что в плане я как-то впал в немилость, так что вы выступили против меня. Что бы я ни сделал вам, почему вы не простите мне того, что я сделал, что вы сочли предосудительным? Прости меня, какой бы грех ты ни вменил мне, за который наказываешь меня. Речь Иова в этой гипотетической сфере касается того, как Бог обращается с ним.

Важные заявления в первом диалоге: 13:15 [19:31-22:31]

Еще один стих. Я хочу посмотреть; это в некоторых деталях; это в главе 13. Это хорошо известный стих из Книги Иова. И снова это Иов говорит. И традиционный

перевод: «Хоть он и убьет меня, я буду надеяться на него». Когда мы смотрим на то, как к нему относятся переводы и комментарии, мы видим большое разнообразие переводов. Один из них гласит: «Вот. Он убьет меня. У меня нет надежды». Ух ты. Это сильно отличается от «Хоть Он и убьет меня, но я буду надеяться на Него». Это представляет собой альтернативное чтение на иврите. Кетив, в котором вместо «в нем» стоит отрицание. Они оба звучат одинаково *lo* (для него) и *l'o* (нет). Итак, я буду надеяться «на него» или «у меня нет надежды». Опять же, это переворачивает все вокруг.

В другом комментарии говорится. «Если бы он убил меня, у меня не было бы никакой надежды». «Если бы вы убили меня, — помните два других, — вот, он убьет меня» или «хотя он убьет меня». Итак, вы видите, что мы работаем с этой частицей на иврите и с тем, что она означает. «Если бы он убил меня, у меня не было бы надежды», предполагая, что он еще этого не сделал. Так что есть еще основания для надежды.

Вот мы и видим весь вопрос. Есть у него надежда или нет? Есть три других комментатора, которые согласны с прочтением. «Да», а не «если», «вот» или «хотя». «Да, хоть он убьет меня. Я не буду ждать в тишине». Ах, это другое понимание слова, которое переводится как «надежда». Они звучат очень близко, «надеюсь» и «жду» на иврите. Вот и читают по другому. «Я не буду ждать», что означает «я не буду ждать в тишине».

Хорошо. Я бы взял немного другой такт. Я бы согласился с последней частью этого, но я бы перевел его так: «Даже если он может убить меня. Я не буду ждать в тишине». Я вижу в этом выражение Иова своего намерения спорить с Богом.

Элифаз сказал ему, что ты не хочешь туда идти. Вы входите и начинаете спорить с Богом. Ничего хорошего из этого не выйдет. Вы не хотите этого делать. Иов как бы вооружается храбростью и говорит: «Даже если он может убить меня за это, я это сделаю. Я не буду ждать в тишине. Я собираюсь предъявить свои требования». Вот

так бы я прочитал. Опять же, очень сложный стих, и у разных комментаторов и переводчиков были разные представления о том, что в нем говорится.

Подведение итогов первого цикла диалогов [22:31-23:00]

Подытожим аргументы в первом цикле. Когда мы подходим к риторической стратегии книги, мы хотим спросить: что каждая речь вносит в разговор? Опять же, мы предполагаем, что они здесь не только для цветистых, поэтических выражений. Они пытаются что-то сделать по мере того, как дело книги продвигается вперед. Итак, давайте обобщим каждый из них, и вы сможете увидеть, как они работают.

Речь Елифаза и ответ Иова [23:00-24:40]

Итак, речь Элифаза в первом цикле: я бы резюмировал ее так. Вы консультировали многих, кто находится в таких же обстоятельствах, как и вы сейчас. Вам следует последовать собственному совету. Доверься своему благочестию. Принцип возмездия будет действовать. Нечестивые погибают, но с точки зрения Бога ни один смертный не является праведником. Воззвание к Богу, кроме его дисциплины. Это первая речь Элифаза.

Ответ Иова резюмирован следующим образом. Степень моего страдания оправдывает мой протест. Я хочу, чтобы он убил меня. Тогда я умру с утешением, что хотя бы реально оценил ситуацию. Я чувствую себя таким беспомощным. Я не уверен, что смогу продолжать, и мои друзья ничем не помогут. Я был бы рад, если бы Бог показал мне что-то, что я сделал неправильно. Мои несчастные дни скоро закончатся. Так что я тоже могу высказать свое мнение. Почему, о Боже, ты уделил мне такое внимание? Никто не выдержит такой проверки. Не могли бы вы проявить немного терпимости, пока не стало слишком поздно? Это первая речь Иова в целом.

Тогда совет Елифаза состоял в том, чтобы воззвать к Богу и признать свою обиду. Ответ Иова: перестань относиться ко мне как к виновному, а не взывать к Богу с

ложным смирением и сфабрикованными обидами; Я буду предъявлять ему требования о оправдании. Итак, Иов отправляется в путь.

Речь Вилдада и ответ Иова [24:40-26:23]

Так можно резюмировать вторую речь Вилдада в первом цикле. Как вы смеее предполагать, что Бог извращает правосудие? Помните, Вилдад — представитель мудрости веков . Как вы смеее предполагать, что Бог извращает правосудие? Ваши дети несомненно согрешили. Я имею в виду, это данность. Если они все так умерли, то, несомненно, согрешили. Посмотри правде в глаза, признайся, и тогда у тебя все пройдет гладко. Традиционная мудрость дает вам всю необходимую информацию — принцип возмездия: нечестивые погибают, а Бог не отвергает праведника. Вернись, Джоб, заberi свои вещи.

Ответ Иова Вилдаду можно резюмировать следующим образом. Как мог кто-либо доказать свою праведность перед Богом? С ним нельзя спорить и рассчитывать на победу. Бросить ему вызов действительно было бы катастрофой. Он слишком силен, чтобы победить. И он не может призвать к ответу. Мне не на что жить. Так что могу сказать прямо. Он не просто. И непорочные, и нечестивые будут уничтожены. Я бы хотел, чтобы у меня был адвокат, который говорил бы от моего имени. Предположим, кто-то мог бы говорить только от моего имени. Ничего не имеет смысла. Я не могу победить. Я хочу, чтобы Бог просто позволил мне умереть. Это краткое изложение ответа Иова.

Поэтому совет Вилдада заключался в том, чтобы использовать традиционный подход. Принцип возмездия серьезно признает неизбежный вывод. Ответ Иова: Я знаю, что традиции верны, но я не готов признать, что выводы неизбежны. Но я без права обращения.

Речь Софара и ответ Иова [26:23-28:00]

Добираемся до Зофара. Зофар, помни, он черно-белый. Какое высокомерие? Думаешь, ты такой чистый? Ну, ты даже не начал получать то, что действительно заслуживаешь. Ваше понимание ничтожно по сравнению с Богом.

Брось это. Покайтесь в своем грехе, чтобы все у вас было хорошо. Зофар видит вещи очень черно-белыми.

Ответ Иова Софару. «Вы, друзья мои, насмехаетесь надо мной. Если бы только вы показали свою мудрость молчанием. Вы не предлагаете утешительного совета и говорите самонадеянно и невежественно от имени Бога. мудрость и сила. Если бы я только мог довести до него свое дело, я думаю, что у меня была бы герметичная защита. Однако я просил бы его прекратить и воздерживаться от мучений и ужасов, пока вопрос не будет решен. Учитывая такой мораторий "Я мог бы сконцентрироваться на своем деле. Покажите мне доказательства моих правонарушений. Эта жизнь - все, что у меня есть. Итак, я хочу уладить это, пока не стало слишком поздно".

Итак, совет Софара, в двух словах, посвяти свое сердце Богу, отложи грех. Ответ Иова. Вы плохо представляете и Бога, и меня. Я надеюсь, что смогу получить слух и восстановить отношения с Богом до того, как умру.

Завершение первого цикла диалогов [28:00-28:50]

Итак, в заключение, это наше резюме первого цикла. В этой первой серии речь каждого друга заканчивается тем, что он рисует розовую картину преимуществ праведности. Основное внимание в этой серии уделяется тому, что друзья обращаются к Иову с просьбой подумать о том, чтобы вернуть свои льготы и сделать все необходимое для этого. Это все о вещах. Сериал подходит к концу, когда Иов дает понять, что у него нет надежды на восстановление и что он не руководствуется желанием, которое его друзья считают высшей ценностью. И это запускает нас во второй цикл.

Это д-р Джон Уолтон и его учение о Книге Иова. Это сессия 13, серия диалогов 1, работа 3-14. [28:50]